

В койку!

ИВАН СМИРНОВ

После открытия Америки в Европу потоком хлынули всякие новшества. Доселе неизвестные плоды далекого континента с тем или иным успехом приживались в Старом Свете. Европейцы научились курить, попробовали помидоры, картофель и кукурузу. Среди «американских штучек» была и такая, которую с радостью переняли во флотах всех европейских государств.

Подвесная койка. Та, что повсеместно использовалась на кораблях в XVII–XIX вв. В России люди, не связанные с флотом, называют ее гамаком. Слово это было заимствовано у индейцев; подвешенный за противоположные концы кусок полотна или сетки испанцы стали называть *hamasa*, а французы вслед за ними — *hamas*. Возможность легко и просто оборудовать себе кровать или место для отдыха быстро покорила европейцев. Первое упоминание о гамаках встречается в книге «Хроника Перу», опубликованной в 1553 г. в Севилье. Автор книги Педро Сьеса де Леон был испанским священником и солдатом, историком и географом, а его труд — первой книгой о завоевании целого континента. Фактически она представляла собой энциклопедию, знакомящую читателей с историей, географией, бо-

таникой, зоологией Южной Америки. В ней среди прочего он рассказал и о гамаке.

Тем, кто ходил или ходит в море, не надо рассказывать, что такое теснота. Если ты не яхтсмен-одиночка, то с определенными проблемами этого плана постоянно сталкиваешься даже на просторных современных яхтах. Что уж говорить о прежних парусниках! Особенно о военных кораблях, которые были реально перенаселены. Диву даешься, как на них, при всем их грозном виде кажущихся сегодня скорлупками, умудрились сосуществовать столько людей! Как умещались 600–700 человек на 50-метровом судне, под завязку забитом припасами и снаряжением?! А ведь они не просто умещались — они жили так месяцами, несли вахты, работали, воевали!

Военному кораблю большой экипаж был жизненно необходим. Все работы велись вручную. Постановка и уборка парусов, управление ими, выбирание якоря, погрузка необходимого снаряжения, воды и провианта — всюду нужны были люди. Их количество на борту могло сыграть решающую роль при абордажном бое, высадке десанта. Поэтому экипажи военных кораблей были огромны.

Но всему свое время. Подвесная койка не сразу попала на флот. Члены команды шведского корабля «Wasa», построенного в 1628 г., к примеру, спали на орудийных палубах, около пушек. Они вповалку, прямо в одежде, устраивались на ночь на жестких досках палубного настила. Никаких тюфяков, никаких одеял. Подвесная койка стала обычной во флоте только к концу XVII в. В английском флоте она тоже получила название, заимствованное у индейцев, — hammock.

Подвесная койка в виде гамака оказалась прекрасной находкой для развивающегося флота. Легкая, достаточно простая в изготовлении компактная постель занимала минимум места в свернутом состоянии, легко чистилась и просушивалась. Но самое главное — она позволяла в самых жестких условиях плавания весьма комфортно отдыхать морякам. Парусиновые койки, подвешенные к бимсам, колыхались в такт движениям судна, надежно охватывая тело уставшего человека и позволяя ему расслабиться, не тратя силы на попытки зафиксироваться при качке.

Что представляла собой подвесная койка? В различных флотах конструкция ее немного различалась. Также различались подвесные койки для офицеров корабля и простых матросов. Если матросская койка представляла собой обычный прямоугольный кусок парусины, то в конструкцию офицерской были включены деревянные элементы — распорки и боковые полотнища (банты), делающие ее более удобной для отдыха.

Вот описание быта небольшого военного корабля времен наполеоновских войн из романа Патрика О'Брайана «Master and Commander» (эпизод, где одного из героев книги врача Стивена Мэтьюрина вводят в курс дела):

« — А вот довольно просторное помещение, хотя и с низким потолком. Насколько я понимаю, оно для унтер-офицеров?

— Нет, сэр. Здесь матросы принимают пищу и спят.

— А остальные, полагаю, размещаются ниже?

Матросская койка

— Ниже жилых помещений нет, сэр. Ниже находятся трюм и небольшая площадка, используемая как нижняя палуба.

— Сколько же тут человек?

— Вместе с морскими пехотинцами семьдесят семь, сэр.

— Но все они не могут здесь разместиться. Это же физически невозможно.

— При всем моем к вам уважении, вы не правы — могут. На каждого матроса полагается четырнадцать дюймов пространства, на котором он подвешивает свою койку, и он вешает вдоль диаметральной плоскости. Ширина судна на миделе — двадцать пять футов десять дюймов. Получаются двадцать два места — видите, тут указаны цифры.

— Но человек не в состоянии разместиться на сорока дюймах.

— Верно, будет тесновато. Но на двадцати восьми он разместится. Видите ли, на судне с двумя вахтами приблизительно половина экипажа находится на палубе, так что их места в кубрике остаются свободными.

— Но даже занимая двадцать восемь дюймов — два фута и четыре дюйма, — моряк, должно быть, касается своего соседа.

— Конечно, сэр, но в тесноте, да не в обиде, и вода за шиворот не течет. Видите, тут четыре отделения. Одно — от переборки до этого бимса, здесь еще одно; затем до бимса с фонарем, висящим перед ним. Последнее отделение кубрика расположено между ним и передней переборкой, что рядом с камбузом. У боцмана и плотника там имеются свои каюты. Первое отделение и часть следующего предназначены для морских пехотинцев. Затем располагаются матросы, которые занимают три с половиной отделения. Так что, расположив двадцать коек в ряд, удастся втиснуть всех, несмотря на то что мачта съедает немало места.

— Но получается сплошной живой ковер, даже если лежит лишь половина состава.

— Так оно и есть, сэр».

Перед боем орудийные палубы, служащие помещением для отдыха матросов, освобождались, свернутые койки выносили наверх, в коечные сетки.

Коечные сетки на парусных кораблях имели вид загородок, расположенных вдоль фальшборта и сделанных из деревянных реек. Свернутые в рулон вместе с матрацем, койки плотно устанавливались там и служили защитой от пуль и осколков во время боя. Позже коечные сетки стали изготавливаться в виде ящиков с крышкой. Одна сторона их была открыта и защищалась от воды парусиновым обвесом. Была введена даже специальная должность для ма-

Офицерская койка

тросов — укладчик. В его обязанности входила укладка коек в коечные сетки и раздача их после вечерней поверки.

В русском военном флоте со временем появились определенные стандарты: согласно решению Морского министерства от 21 августа 1868 г., койка шилась из «канифасной парусины № 3» и была длиной два аршина 10,5 вершка (191,3 см), шириной 107 см и глубиной (при подвешивании) 54 см.

Парусиновая койка на военном флоте благополучно просуществовала до середины XX в. Она особенно была востребована на небольших кораблях и подводных лодках, где приходилось экономить каждый метр. Пожалуй, последнее подробное ее описание есть в изданном в 1939–1941 гг. морском словаре К. И. Самойлова:

«КОЙКА (Hammock) — краснофлотская постель в виде гамака, представляющая собой парусиновый прямоугольник длиной 1 м 86,6 см, шириной 1 м 6,7 см, сшитый из двух полотнищ коечного канифаса; вдоль К., отступив от продольных краев на 17,8 см, пришиваются банты из двойного канифаса, один с внутренней стороны К., другой с наружной. В бантах делается по 7 отверстий со вставленными люверсами. Такие же люверсы имеются и в краях самой К. В люверсы поперечных краев ввязываются тонкие пеньковые концы (шкентросы), соединяющиеся затем в одном общем кольце, которое подтягивается тросом (штертом) к гаку или лееру под бимсы палубы, а в крайние люверсы вставляются деревянные палки — распорки. Принадлежностями всякой К. являются пробковый матрац, подушка, одеяло и простыни; все эти вещи закатываются на день в К., последняя шнуруется через люверсы продольного края и укладывается до следующей ночи в специальные хранилища на верхней палубе, называемые коечными сетками...» Странные размеры в описании получились в результате перевода аршинов и вершков в метрическую систему. Парусина долгое время выпускалась по старым стандартам.

А вот интересная находка по нашей теме в книге «Внимание, мины!» — мемуарах бывшего краснофлотца Ивана Андреевича Величко:

«После приборки боцман собрал всех на беседу.

— Вы, конечно, знаете, — объяснил он, — что перин и пружинных матрацев на корабле для вас не заготовили. Да и вообще на канлодке не найдешь столько места, чтобы каждый мог спать на кровати. Для этого существуют подвесные койки.

Я стоял и удивлялся. Вот этот сверток и есть койка? А спать где? Стал рассматривать брезентовый рулон. Как к нему подступиться? Но Пономарев предупредил:

— Научиться спать в подвесной койке — дело нелегкое. Пока привыкнете, немало шишек набьете. Поэтому сразу слушайте внимательно, как пользоваться этой койкой...

И вот начались тренировки по освоению подвесной койки. Узнали мы, что она имеет пробковый матрац и крепится к тросам вдоль трюма.

Подается команда: «Койки брать!» Лежали они уже готовыми на рундуках. Простыни мы принесли с собой. И началось мучение. Как ни объясняли нам, а сразу подвязать койку к тросам не удавалось. Плохо обтянешь — можешь вывалиться из «люльки». В этом мы убедились в первый же день.

Койка адмирала Нельсона на корабле «Victory»

Пономарев растолковал все серьезно и подробно. Правда, и смеялся вместе с нами, когда кто-нибудь вываливался из подвесной койки.

Отработали мы и команду «Койки вязать!» Казалось, дело простое, но и здесь пришлось попотеть, пока не научились сворачивать рулон, обтягивать его специальными кольцами.

В общем, ушло несколько дней, пока мы научились пользоваться подвесными койками».

А вот совершенно неожиданная встреча с героиней нашего рассказа в книге Варлама Шаламова «Эхо в горах»:

«Это был барак удивительной, редчайшей конструкции.

Его строили, когда начальником лагеря был бывший моряк, топивший в восемнадцатом году Черноморский флот, когда туда приезжал знаменитый мичман Раскольников.

Моряк сделал сухопутную лагерную карьеру, а постройка барака для obsługi была его выдумкой, его данью своему морскому прошлому. В этом бараке двухэтажные нары были подвесные — на стальных тросах. Висели кучками, по четыре человека, как моряки в кубрике. Для прочности конструкция была связана с одной стороны длинной железной толстой проволокой.

Поэтому все нары качались одновременно при малейшем движении хотя бы одного из жителей этого барака. А так как двигались одновременно несколько человек, то подвесные койки были в непрерывном движении и негромко, но явственно скрипели, скрипели. Качанье и скрип не прекращались ни на минуту в течение суток. Только во время вечерних проверок движущиеся нары останавливались, как уставший маятник, и замолкали».

Интересный факт: на королевской яхте «Британия» экипаж спал в подвесных койках до 1970 г. И не все были довольны, когда им предложили перебираться на жесткие трехъярусные койки в тесных кубриках.

Подвесная койка оставила след и в русском языке: спать в койке, а не на ней. Да и выражение «сачковать» тоже. Подвесную койку на флоте иронически называли сачком, или сачком. «Сачка давить» — отдыхать, бездельничать.

А отдыхать в ней действительно хорошо. Недаром человек, покачивающийся в гамаке, стал классическим образом безмятежного отдыха.

